

него неудачи, как Епиходов в «Вишневом Саду». Но от политики не отставал, к великому горю его жены, твердившей:

— Николай Александрович не газетчик, а профессор. Рожков возражал на это:

— Терпеть не могу профессоров, — это самые тупые и самые скучные люди.

И тут же рассказывал какойнибудь неприличный анекдот.

* * *

В Иркутске Н. А. появился в 1911 году. И уже с 1-го января 1912 года он приступил к изданию еженедельной газеты «Иркутское Слово».

Ближайшим его сотрудником в этой газете был Н. Чужак (Насимович). Он заведывал литературно-художественным и театральным отделом, писал фельетоны, отзывался на местные злобы дня. Писал он хорошо, порой даже очень хорошо — с талантом, с огнем, — но вносил в свои писания много личной озлобленности, желчность неудачника. В числе псевдонимов, которыми он пользовался, лучше всего подходил к нему один: «Волк». Действительно, на все он отзывался по волчьему, — ворча, скаля зубы, порой кусаясь в язвительных фельетонах.

Я был в то время в Александровском, в команде. Но Рожков и меня привлек к участию в газете. Сговорились, что я буду давать в «Иркутское Слово» политические фельетоны. Это не был мой жанр, но Рожков сумел уговорить меня, что без этого отдела газета не может существовать, что заменить меня решительно нечем и т. д., и т. д., — и я уступил.

Сотрудничал я в «Иркутском Слове» два месяца, давая в каждый номер по статье. А на третий месяц моя очередная статья попала в руки не то жандармов, не то тюремной администрации. Загорелось дело об участии ка-

торжан в противуправительственной печати. Снежков, перепугавшись, грозился вернуть в централ всех командовцев, и я должен был дать обязательство, что до окончания срока каторги (мне оставалось еще 9 месяцев) не буду сотрудничать в газетах.

Из александровских каторжан работал еще в «Иркутском Слове» Саур, — он дал в газету несколько надурных стихотворений и рассказов на тюремные темы.

«Иркутское Слово» представляло собой листок понедельничного типа, с преобладанием литературно-фельетонного материала, но с неожиданно высказывавшимися научно-марксистскими статьями. Велась газета в резко полемическом, задорном тоне, и, в общем и целом, довольно неудачно. Но был один момент, когда она сыграла крупную роль: она первая подняла вопрос о положении рабочих на ленских промыслах, и когда на промыслах вспыхнула забастовка, закончившаяся памятной апрельской бойней, «Иркутское Слово» сделало все, что было в его силах, чтобы привлечь общественное внимание к разыгравшимся в бойд-бижской тайге событиям.

В июне «Иркутское Слово» прекратило свое существование, задавленное штрафами в административном порядке.

* * *

Осенью 1912 года Рожков затеял издание ежедневной газеты.

Когда я вышел на поселение, все приготовления были уже закончены.

«Новая Сибирь» должна была, по мысли Рожкова, удовлетворить ту потребность, которая проявилась во время ленской забастовки: она обращалась к новой Сибири, к Сибири пробуждающегося пролетариата.

В редакцию вошли Рожков, Чужак и я. Чужак попрежнему занимался литературой и театром. Мы с Рожковым вели